

СВЕТЛАНА ОРУС-ООЛ

ТУВИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Автор мақаласындағы тыва халық эпостарының халықтық эстетикалық және рухани құндылықтарын, қажеттілігін ғасырлар бойы өтеп келе жатқандығын жан-жақты айта келе, эпостың поэтикасын сөз етеді.

Yazar Tıva Halk destanlarının halkın estetik monevi kıyametlerini ve gerekliliklerini nasıl karşılandığını detahl olarak incelemektedir.

Эпические памятники принадлежат к главнейшим высокохудожественным творениям духовной культуры тувинского народа и входят в сокровищницу эпического наследия народов мира. В яркой поэтической форме в них запечатлены многие важнейшие стороны традиционной жизни, социальных и семейно-бытовых отношений, мировосприятия тувинцев. Устное народное творчество играло большую роль в жизни бесписьменного народа, для которого эпос был единственным средством удовлетворения духовных и эстетических запросов, заполнял часы досуга, уводил человека от повседневных забот в седую древность. Эпическая традиция тувинцев существует в живом бытовании и до сих пор.

Анализ тувинских героических сказаний позволяет сделать вывод о том, что в собирании, публикации и изучении народного эпоса тувинская фольклористика в своем развитии прошла четыре этапа.

Первый этап – XIX (вторая половина) начало XX в. – когда тувинский фольклор стал предметом исследования русских ученых в качестве этнографического и лингвистического материала. Первые издания, являющиеся пересказом тувинских героических сказаний на русском языке, сохраняют свою ценность и по сей день, ибо, сравнивая их с позднейшими публикациями, можно найти сходные сюжеты и отдельные подробности, которые могут быть важными при дальнейшем исследовании.

Второй этап – 30-е годы XX столетия. Создание национальной письменности (1930 г.) открыло дорогу героическому эпосу к широкой читательской аудитории: тувинские героические сказания в обработке писателей публикуются в журналах и газетах; организуется собирательская деятельность с участием энтузиастов – интеллигенции. Конечно, публикации 30-х годов не соответствуют современным текстологическим требованиям фольклористики, поскольку не соблюдались собирателями эдиционные принципы; они передавали лишь краткое содержание рассказанного, не владея техникой фиксации. Несмотря на случайность и не планомерность собирания эпоса, плохое знание методики записи фольклорных произведений, отсутствие определенной программы сбора, они вызвали у тувинского народа острый интерес к родной поэзии.

Третий этап – (40-конец 80 –ых гг.). Вхождение Тувинской Народной

Республики (1921-1944 гг.) в состав СССР, создание Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ, 1945) обусловили заметный шаг в планомерном собирательстве: организована оживленная переписка с информаторами; появляются так называемые «самозаписи» грамотных сказителей (всего в архиве 38 таких записей); совершаются ежегодные командировки, фольклорные экспедиции; проводятся слеты сказителей и народных певцов (с 1953 по 1993 гг. проведено 8 слетов).

К настоящему времени в фольклорном архиве Института гуманитарных исследований Республики Тыва хранится 180 записей героических сказаний (от 2 до 10 тыс. стихов) от 86 исполнителей. С 60-х годов фольклорные произведения стали фиксироваться на магнитную ленту. В фонде фонограмм имеется 116 записей героического эпоса от 56 сказителей. Среди них есть уникальные материалы, записанные от сказителей-«учителей» и сказителей-«учеников».

Почти каждый год выходят в свет эпические памятники тувинцев в сборниках «Тыва тоолдар» («Тувинские сказки»). С 1947 г. по 1990 г. 54 произведения тувинского героического эпоса опубликованы на языке оригинала в 15 сборниках «Тыва тоолдар».

Появляются специалисты, получившие высшее образование в ВУЗах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Абакана. Шло становление начальных основ текстологии, формируются ее принципы. Тексты героического эпоса, опубликованные в вышедших сборниках, не снабжались удовлетворительной паспортизацией, вступительными статьями, комментариями; из идеологических соображений фольклорные тексты подвергались вынужденной литературной обработке, в частности, из них изымались эпизоды с шаманскими и ламаистскими атрибутами; допускалось сведение вариантов, записанных со слов разных сказителей, в один текст; не существовала продуманная система отбора текстов для публикации. Эти издания были рассчитаны в основном на массового читателя, поэтому документальная точность передачи текста эпических произведений не входила в задачу публикаторов. Основная их цель заключалась в том, чтобы как можно шире представить читателю жанровое разнообразие национального фольклора.

Тексты тувинских героических сказаний, изданные в русском переводе, также страдают нарушением текстологических принципов. По сравнению с фольклором других народов Сибири, к тому времени уже известных в адекватных научных публикациях, в те годы устное народное творчество тувинцев только начинало вводиться в научный обиход. Проблема научно-адекватной передачи тувинских текстов на русский язык остается в тувинской фольклористике самой актуальной задачей и поныне.

При всем при этом ценность накопленного материала в этот период весьма высока.

Четвертый этап в текстологии тувинского эпоса – с конца 1980-х гг. – по настоящее время. С уходом с исторической арены СССР, в котором осуществлялась централизованная поддержка тувинской фольклористики, как науки, предельно сократилось государственное финансирование научных исследований. По этой причине приостановилась публикация фольклорных сборников, в частности, произведения героического эпоса. Вместе с тем, текстологическая работа поднялась на ступень выше, особенно, в связи с изданием многотомной серии «Памятники тувинского фольклора», которая актуализировала задачу публикации эпических произведений в оригинале. Автором этих строк подготовлено к печати пять томов: «Тувинский героический эпос» (1990), «Алдай-Буучу» (1993), «Далай-Байбын-Хаан» (1994), «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» (1995), «Ары-Хаан» (1996). В пятитомник вошло 21 произведение героического эпоса (общий объем – около 100 п.л.). Представлены тексты 11 сказителей из разных районов.

Особенность текстов, включенных в данную серию, состоит, прежде всего, в том, что они опубликованы в первоизданном виде, без литературной обработки, с сохранением характерных признаков тувинского языка, его диалектизмов, архаизмов и т.д. Все тексты выверены с архивным оригиналом, изданы в полных вариантах, с необходимыми комментариями и соблюдением научных принципов текстологической работы. Основным критерием при этом являлся принцип достоверной передачи устного текста. Следует отметить, и то, что все героические сказания этого пятитомника опубликованы в стихотворной форме. До 90-х годов тувинский героический эпос записывался и издавался собирателями и составителями в прозаической форме, несмотря на то, что сказания имели стихотворный строй.

Изданием этой серии пополнился перечень тувинских героических сказаний, что расширило представление о главном жанре устно-поэтического творчества тувинцев – эпосе. Вместе с тем, в этих публикациях, хотя соблюдены основные принципы текстологии, но все же имеются некоторые недостатки, в частности, не пронумерованы стихи в текстах, в примечаниях дается объяснение не всем трудным архаичным словам и выражениям.

Эдиционно-текстологические исследования приобрели особую актуальность в связи с подготовкой и изданием уникальной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В 1997 г. в Новосибирске вышел в свет том «Тувинские героические сказания» в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Ответственный редактор – В.М. Гацак, составитель С.Орус-оол). Книга содержит научную публикацию двух лучших образцов

героического эпоса тувинцев «Хунан-Кара» и «Боктуг-Кириш. Бора-Шээлей» в исполнении сказителей О. Чанчы-Хоо и О. Манная. При публикации этого тома полностью соблюдены основные принципы серии; критерием научного уровня его является сочетание филологического, музыковедческого, этнографического подходов и т.д.

В настоящее время готовятся нами к академическому изданию «Фольклор тувинцев-тоджинцев» в этой же серии и «Тувинские героические сказания» – в серии – «Эпос народов Европы и Азии» (Москва).

Начало же изучения героического эпоса связано с именем Л.В. Гребнева. В 1960 г. он издал монографию «Тувинский героический эпос», в которой была представлена историко-этнографическая характеристика героических сказаний. В ней он предложил классификацию тувинского эпоса, раскрыл некоторые его художественные особенности, отметил общность ряда сюжетов в эпосе саяно-алтайских народов; попытался определить время сложения тувинских героических сказаний; проанализировал данные о культуре и быте тувинского народа на разных этапах исторического развития.

Опытом изучения поэтики тувинского эпоса была наша кандидатская диссертация, на основе которой была издана монография «Поэтика тувинского героического эпоса» (Кызыл, 1987) и докторская диссертация - «Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль)». В одноименной монографии (М.: Макс ПРЕСС, 2001 г.) рассматривается нами сюжетно-композиционное строение тувинских эпических произведений, традиционный стиль и исполнительское мастерство сказителей, а также поэтическая и стилевая передаваемость героических сказаний во времени. Эпитетика, сравнения и типические места тувинского эпоса освещаются на сравнительном текстологическом фоне.

* * *

В народной среде героические сказания и разные виды сказок обозначаются одним термином *тоол* - сказка. Исследователи же фольклора различают термин *тоол* (сказка) и *маадырлыг тоол* (героический эпос).

Характерным признаком эпоса является его героическое содержание - воспевание подвигов богатырей, борющихся с чудовищами, врагами-захватчиками, носителями зла и насилия, за установление добра и справедливости на их родной земле. Жанр эпоса можно определить и по его названию. В составную часть имен богатырей входят слова *маадыр* (богатырь), *мерген* (меткий стрелок), *моге* (силач) и титул *хаан*: «Кан-Кучу-Маадыр», «Бораадай-Мерген», «Моге Шагаан-Тоолай», «Далай-Байбын-Хаан» и т.д. В некоторых случаях к имени героя примыкает эпитет, указывающий его возраст: «Он *бешхарлыг* Алдай-Сумбер» («Пятнадцатилетний Алдай - Сумбер»), «*Чеди харлыг* Хан - Тогулдур»

(«Семилетний Хан – Тоголдур») и т.д. Отдельные эпические произведения («Алдай-Буучу», «Силач Шагаан-Тоолай»), как в богатырских поэмах тюрко-монгольских народов Сибири, называются не по имени главного героя, а по имени его предка – отца или деда, хотя они не принимают никакого участия в главных событиях сюжета и не играют значительной роли в ходе повествования. Объясняется это тем, что тувинский героический эпос, как и богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири, стадильно относится к самому раннему *героико-архаическому* типу эпоса. По сравнению с *историко-героическим* эпосом (русские былины, «Манас», «Джангар», «Алпамыш»), в архаическом эпосе нет изображения конкретных событий и фактов истории, исторических имен, повествования о реальных лицах. В нем отражены идеалы общинно-родового строя.

Тувинский народный эпос включает разнохарактерные по форме, объему и содержанию произведения. Основная тематика эпических памятников тувинского народа - *героическое сватовство* богатыря в виде брачных состязаний с выполнением трудных задач хана-тестя. В эпической традиции тувинцев нашла отражение система брачной экзогамии, при которой мужчина должен брать себе жену лишь из чужого рода, не связанного с ним родственными отношениями. Поэтому путь к суженой обычно долог и труден. Будущая жена богатыря находится на краю неба и земли. В героических сказаниях этой группы события изображаются в биографическом плане: от рождения героя до его возвращения к себе на родину после завершения подвигов.

В других эпических сказаниях («Силач Шагаан-Тоолай», «Алдай-Буучу», «Баян-Тоолай») описание героического сватовства сочетается с описанием *борьбы богатыря с противниками*, напавшими на его родину с целью завладеть скотом, имуществом и подданными героя. Защита родного стойбища от завоевателей, освобождение родителей и подданных, угнанных на чужбину, протест против насилия – эти мотивы нашли яркое воплощение в богатырских поэмах данной группы. В числе эпических антиподов выступают внешние враги: жестокие, жадные иноземные ханы, мифические существа с человеческими чертами и с бессмертной душой. У них имеются собственные имена: в «Алдай-Буучу» – это чудовища Даг-Иргек и Кара-Була, в «Баян-Тоолай» – Амырга-Кара-Моос, в «Хунан-Кара» - Кара-Когел и т.д. Битва с врагом-захватчиком, как важный прием героизации богатыря, является центральным эпизодом эпоса, изображающим героические качества богатыря в сложных боевых действиях. Богатырь одолевает своих врагов в честных поединках, благодаря своей собственной физической силе, богатырским качествам, магическим способностям, боевому коню, его советам. Схватка в эпосе и в богатырских состязаниях, изображается

гиперболически, длится очень долго, в течение нескольких лет. Она является традиционной и имеет устойчивые поэтические формулы.

Среди эпических памятников тувинского народа ряд произведений относится к древнейшим временам, основанным на мифологических воззрениях тувинцев. Таково, например, героическое сказание «Хунан-Кара» [1.584], для которого характерны образы, более близкие к мифологическим истокам, чем в других сказаниях. В нем хорошо представлены основные мотивы, присущие не только тувинским героическим сказаниям, но и эпическим произведениям других близких народов, также соединяющим в себе черты сказочно-мифологического и эпического повествования. Это чудесное рождение богатыря; сказочно быстрый его рост; первый подвиг, связанный с уничтожением двух мифических чудовищ *Шулбу*; узнавание имени суженой, которая находится в далекой стране; получение одежды, богатырского оружия, сделанного могучим кузнецом; наречение богатыря и его коня дряхлыми стариком и старухой; поимка, приручение, седлание коня; сборы героя в путь; участие в состязаниях женихов, состоящих из стрельбы из лука, конских скачек и единоборства с соперниками, в роли которых выступают самые сильные богатыри и мифические персонажи; получение невесты; возвращение домой; ограбление стойбища родителей чужеземными врагами; победа над ними и счастливая жизнь на своей родине.

В центре повествования – герой-богатырь Хунан-Кара, вынужденный вести тяжелые битвы с мифическими существами, олицетворяющими злые природные силы. В этой борьбе ему помогают советами пастухи, подсказывающие дорогу к стойбищу противника; богатырский конь, превращающийся то в паршивого стригунка, то в сокола-ястреба с конской головой; птица чиж, владеющая, как и богатырский конь, человеческой речью; дочь хана, имеющая одеяние из птичьего оперения и т.д.

Обращают на себя внимание многочисленные перевоплощения главного героя и окружающих его персонажей в течение всего повествования. Так, например, Сай-Тоюн-ханша, мать богатыря, принимает сто восемь обликов; чудовище жена-*шулбу* становится великаном-*мангысом*, взметающим прах в Нижнем мире своей нижней губой, разметающим облака в Верхнем мире своей верхней губой. Сам Хунан-Кара во время поездок превращается то в сто Хунан-Кара, то в плохонького мальчика в войлочной куртке-*хевенеке* и т.д.

Противниками героя в сказании «Хунан-Кара» являются мифические существа: основной претендент на руку дочери Дээр-Хана (*Небесного хана*) Демир-Моге (*Железный Силач*), имеющий небесное происхождение, с железной пуповиной, с железным конем, который вмиг может подняться в небо или спуститься под землю; чудовище-*мангыс*, пожирающий целое

селение, подданных, скот; и, наконец, захватчик и грабитель с титулом хан-шулбу Кара-Когел, который наделен реальными чертами (живет в юрте, имеет многочисленное войско, скот, играет в народные игры), хотя имеет фантастическую внешность: /Ийи думчуундан /Ийи сарыг чылан уштунуп

келген/ Кара чангыс карактыг, /Карыш боттуг» - /«Ростом в пядь, /С одним единственным глазом, /С двумя желтыми змеями, /Из обеих поздрей» [1.270-271], и наделен не слабеющей силой и нестареющей душой.

А у ханши-шулбу под мышками прячутся семь волков. Утром шулбу с семью волками уходит в черную пещеру перед стойбищем хана, а ночью возвращается в юрту мужа.

Необыкновенность, сказочность героя подчеркивается описанием также внешности самого богатыря, у которого «/Ийи кара хавак кирбиинин аразындан /Хунан кара барыстын /Ак-кара дугу унуп келген» - /Между черными бровями на лбу /Выросла черно-белая шерсть /Трехлетнего барса» [3. 82-83] и описанием его боевого снаряжения.

В эпосе «Хунан-Кара» сказочный колорит имеют и многие другие эпизоды. К ним относится, прежде всего, сцена преграды с двумя гигантскими верблюдами-самцами, у которых «на нижних зубах, высохли, почернев, шестьдесят человек, на их верхних зубах, высохли, почернев, тридцать человек» [1.148]; с двумя собаками – «на их нижних зубах сохнет, /чернея/, печень шестидесяти человек, на их верхних зубах сохнет, /чернея/, печень тридцати человек [1.145-147]; с двумя воронами «с клювами в девять пядей, с девятью животами – Шулбу» [1]. Это и мотив испытания героя в стане хана-тестя, где по совету основного соперника богатыря Железного Силача (Демир-Моге), хан велит ему сначала на белых, затем на красных и черных утесах белыми, красными, черными чертами написать письма, во время которых будут насыпаться соперником молнии. В этом случае приходится победить их не богатырскими силами, а магическими средствами, в частности, с помощью трех волшебных платков и трех драгоценных подстилок разных расцветок, подаренных перед дальней дорогой матерью.

Хунан-Кара предстает защитником и освободителем народа, страдающего в плену у чудовища Кара-Когела. Чтобы победить его, богатырь не вступает с ним в единоборство, как это обычно бывает в других тувинских сказаниях, а находит спрятанные души хана шулбу и уничтожает их. Как и в фольклоре других народов Южной Сибири, в тувинском эпосе душа противника находится обычно вне его тела – в тетиве тугого лука, прослойке подошв, имеет вид семи ос в золотом ларце, спрятанном в животе трех маралух. В алтайском эпосе «Маадай-Кара» душа противника Кара-Кулы также пребывает вне его тела – в глубине трех небес, в животе трех маралух, внутри золотого ящичка, имеет вид двух одинаковых перепелиных птенцов [2. 353]. При этом Хунан-Кара, как и алтайский Когюдей-Мерген, чтобы

разузнать, где находится душа чудовища, принимает образ плохонького парня (в алтайском эпосе – *Тастаракая*), завоевывает доверие врага, который не узнает в нем героя и становится жертвой его хитрости и догадливости. Узнав тайну спрятанной души врага, богатыри принимают свой прежний вид и уничтожают противника-*шулбу*, освобождают своих родителей, народ и возвращают свои стада.

Несмотря на свой страшный вид и бессмертную душу, чудовище оказывается бессильным перед богатырем, вступившим с ним в борьбу. Герой эпоса – храбрый воин, полный решимости бороться со злом, стремящийся победить сильного, коварного врага и освободить родных из неволи. Богатырь, участвуя в брачных испытаниях, преодолевает множество различных препятствий и испытаний. Справившись с ними, герой вступает в единоборство со своими основными соперниками: сыном Неба – *Железным Силачом* (Демир-Моге), сыном Луны – *Золотым Силачом* (Алдын-Моге), сыном Солнца – *Бронзовым Силачом* (Хулер-Моге) и побеждает их.

В целом, сказание «Хунан-Кара» богато по содержанию сказочно-мифологическими образами, мотивами, события в нем во многом развертывается на сказочно-фантастическом фоне, которые переплетаются с эпическими подробностями, понятиями.

В эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» [З. 298-539], имеются также древние сказочно-мифологические мотивы; их меньше, чем в первом сказании. В нем можно найти отражение мифологического мировоззрения тувинцев, которое проявляется в описании совершения обряда поклонения двум горам Энгиргея и Кынгыргая, во время которого духи-хозяева их – Энгиргея владыка – Эрээн-Улаат, пегим орлом обернувшись, делая круг, пролетал, Кынгыргая владыка – Кызыл-Улаат, пегой орлицей обернувшись, делая круг, пролетала; в изображении коня богатыря, оба уха достающего светлых и темных облаков; в переходе героя из живого состояния в мертвое, и из мертвого в живое; в наличии трех небесных дев, дочерей Солнечного, Небесного, Лунного ханов, целительниц брата; в многократных заклинаниях стрел и т.д. Наряду с архаическими мотивами, обнаруживаем наиболее поздние пласты, вызванные социально-экономическими изменениями в жизни тувинского народа (например, борьба между двумя женой и сестрой богатыря из-за охотничьей добычи).

Сюжет сказания «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» построен на описании подвигов, заключающихся в героическом сватовстве и богатырской поездке не только героини и главного героя, но и его сына, представителя второго поколения, что свидетельствует о тенденции эпоса

к генеалогической циклизации. Сватовство заставляет сына героя покинуть родное стойбище. Поездка за невестой, которая находится очень далеко, расценивается в эпосе как богатырский подвиг на благо людям.

Тема героического сватовства в сказаниях решается по-разному. Если в эпосе «Хунан-Кара» герой сам добывает себе невесту, то в «Боктуг-Кириш и Бора-Шээлей» эту миссию выполняет сестра героя, а брат никакого участия в этом не принимает. Это единственное героическое сказание в тувинском фольклоре, где женщина (хотя и в облике брата) выступает главной героиней, ради воскрешения брата, совершающей подвиги, характерные для богатырей эпоса. В борьбе за невесту героине, переодетой мужчиной, приходится победить в трех традиционных состязаниях женихов.

В тувинском героическом эпосе важное место отведено женским персонажам. В сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» создан образ умной, находчивой, смелой девушки, которая из-за любви к погибшему брату совершает богатырские подвиги. Бора-Шээлей – меткий стрелок, отличная наездница, воинственная богатырка. Все это сочетается в ней с красотой, женственностью, нежностью, которая особенно проявляется в ее материнстве. Она хранительница домашнего очага, искусная мастерица, гостеприимная хозяйка. Как заботливая сестра, Бора-Шээлей предостерегает брата от грозящих ему опасностей. Суженая богатыря является также образцом женской красоты, душевного богатства и верности.

Сказание «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» сходно по тематике и описываемым событиям с алтайским «Алтаин Саин салам», хакасским о Похта Кирисе, бурятскими «Айдурай Мэргэн», «Аламжы Мэргэн» – в них также описываются гибель богатыря, переодевание сестры в одежду и боевые доспехи брата, участие в состязаниях женихов-претендентов на невесту, победа, оживление героя невестой, исчезновение сестры, встреча героя с сестрой и т.д. В улигере хори-бурят «Алтан Ганжуудай Мэргэн», также как в тувинском «Бокту-Кирише» сестра в облике брата приводит деву-воскресительницу, которая оживляет его, сам же поселяется в лесу, брат оставляет ей часть добычи, из-за этого ее умерщвляют жены брата. Тело сестры брат кладет в ящик, который вешает на рога изюбра. Изюбр сбрасывает ящик около дома стариков. Старики находят девушку, оживляют ее, воспитывают, выдают замуж за ханского сына [4. 44].

В эхирит-булагатском улигере «Шонходой Мэргэн» также есть характерный для тувинского сказания сюжет: сестра проходит испытания у хана-тестя, для выяснения пола (женщина она или мужчина) хан

устраивает совместное купание. Выручает героиню ее конь: во время купания он фыркает и напускает густой туман [4.45].

В целом, при всей тематической близости тувинское и другие южносибирские сказания различаются по типам повествования, конкретным сюжетам, образам, мотивам и поэтическим особенностям и т.д.

Для большинства тувинских героических сказаний характерна тема *предательства* со стороны матери, сестры или жены богатыря. В эпосе

«Кангывай-Мерген» жена героя – Кара-Чузун, освободив из глубокой ямы побежденного своим мужем врага по имени Хан-Кучу, переходит на его сторону. Она затевает пир, во время которого спаивает богатыря молочной водкой-*арага*, и при помощи Хан-Кучу сбрасывает его со скалы в бушующее море, а затем, угнав весь скот и, забрав имущество, откочевывает в стойбище хана-захватчика.

В других памятниках этой группы - «Алдын-Чаагай» и «Олээдей-Мерген» - изменницы (в первом произведении – сестра, во втором – мать) пишут письма ханам-братьям, в которых просят напасть на их стойбище и взять их в жены. Богатырь возвращается с охоты, мать или сестра угощает его *аракой*. Обессилевшего от выпитой араки богатыря эти ханы-братья побеждают в рукопашной борьбе, затем уводят мать или сестру, угоняют подданных и скот. Герой эпоса, несмотря на коварство и предательство близких ему людей, в конечном счете, побеждает сильных и хитрых врагов. В этой борьбе он нередко погибает, но благодаря дочери какого-нибудь хана, полюбившей его, оживает и, в конце концов, уничтожает коварных врагов – завоевателей и изменниц.

В эпосе алтае-саянских народов встречаются, как в тувинском эпосе, сюжеты, построенные на антагонизме сестры, жены, матери (бурятские «Еренсей», «Харасгай-Мэргэн», алтайское «Алтай-Буучай»).

Художественная изобразительность тувинских героических сказаний базируется на многоцветной палитре эпитетов, сравнений, метафор, гипербол, которые служат характеристике образов, раскрытию героической идеи и во многом определяют своеобразие эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тувинские героические сказания (Сост. С.М. Орус-оол. Ответ. Ред. В.М. Гацак – Новосибирск, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
2. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / Зап. текста, пер. и прил.

С.С.Суразакова; подгот. текста и вступ. ст. И.В. Пухова. – М., 1973. (Эпос народов СССР)

3. Тувинские героические сказания – Новосибирск, 1997.

4. Бардаханова С.С. Система жанров бурятского фольклора. – Новосибирск, 1992.

RESUME

Orus-ool S. (Moscow)

Tuva folk epos

The article deals with the folk esthetic and spiritual value of Tuva folk eposes, and the poetic of epos.